

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

ПУТЬ
В 200 ЛЕТ

Сборник

**Экономическая теория
в Санкт-Петербургском
университете. Путь в 200 лет**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2019

УДК 330
ББК 65.01

Сборник

Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете. Путь в 200 лет / Сборник — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2019

ISBN 978-5-288-05895-0

Сборник статей посвящен двухсотлетию создания кафедры политической экономии (экономической теории) в Санкт-Петербургском университете: истории становления и развития теории экономики, педагогической и научной деятельности сотрудников кафедры, их вкладу в формирование российской экономической школы. Особое внимание уделено современному состоянию научных исследований, проводимых на кафедре экономической теории СПбГУ. Разрабатываемые научные направления нашли отражение в статьях сотрудников кафедры, в которых исследуются теоретико-методологические вопросы и проблемы социально-экономического развития России. Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и всех, кто интересуется историей экономической науки и современными проблемами развития экономики.

УДК 330
ББК 65.01

ISBN 978-5-288-05895-0

© Сборник, 2019
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1	9
Л. Д. Широкоград	9
М. В. Марков	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

© Коллектив авторов, 2019

Предисловие

В Санкт-Петербургском университете активная научно-образовательная деятельность в сфере экономики началась с его возрождением в 1819 г. Тогда кафедра политической экономии в числе первых вошла в состав университета под названием «кафедра энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии». К тому времени она уже имела свою предысторию в Педагогическом институте, учрежденном в 1804 г. и переименованном в 1816 г. в Главный педагогический институт, на базе которого с привлечением его преподавателей создавался Императорский Санкт-Петербургский университет.

Последующее развитие экономического образования в университете было связано с двумя началами в экономической науке – политической экономией и статистикой. Такое их исходное сочетание вполне оправданно и объяснимо. Оно определяет главное содержание и предназначение экономической науки – служить раскрытию природы и особенностей хозяйственной деятельности людей в соединении ее качественной и количественной сторон, теоретического и практического значения. Обществу всегда важно знать о том, почему и как осуществляется хозяйственная деятельность людей, что ими движет и что определяет их интересы. Не менее существенны и те реальные результаты, которыми она сопровождается и по которым можно судить об ее успешности, а это требует умения оценивать и сопоставлять.

Чем сложнее и многообразнее становилось народное хозяйство, тем сильнее происходила дифференциация научных направлений и тем чаще возникали новые экономические школы, посредством которых развивалась наука об экономике. Все это находило отражение в сфере преподавания, способствуя расширению набора учебных дисциплин по экономике, необходимых для ее освоения. Именно так продвигалась экономическая наука в Санкт-Петербургском университете, отражая общую тенденцию. Постепенно появлялись новые кафедры, рождались новые научные дисциплины и возникали новые специальности. Такой процесс развития науки закономерен и имеет свое продолжение.

Политическая экономия и статистика как учебные дисциплины на этапе своего становления находились в тесной взаимосвязи и даже в неразрывном единстве. Не случайно многие профессора и преподаватели двух кафедр параллельно читали курсы по политической экономии и статистике, нередко в их научных интересах органично сочетались эти два направления. Многие преподаватели внесли свой творческий вклад в становление политической экономии как науки и в разработку теории статистики. Своеобразным апогеем единения стало возникновение общей кафедры политической экономии и статистики в 1835 г., когда после очередной реорганизации ее сотрудники оказались вначале на философском, а затем на юридическом факультете университета. В объединенном составе они просуществовали до 1917 г. Так что у двух кафедр общая история, но неодинаковые результаты.

История кафедры политической экономии, начавшаяся 200 лет назад, была непростой, со взлетами, падениями и трагическими страницами. Тогда в стране свершались эпохальные перемены, радикально преобразующие облик страны и устройство ее экономики. Достаточно напомнить о революционных событиях 1917 и 1991 гг. Россия стала полигоном для грандиозных социально-экономических экспериментов, что отражалось на работе кафедры. Кафедра не стояла в стороне от экспериментов, активно в них участвуя. Безусловно, все это не могло не влиять на место и роль политической экономии, а в более широком плане на место и роль и самой экономической науки в университетской научно-образовательной деятельности.

Политическая экономия в данном отношении особенно уязвима и подвержена административному давлению, поскольку ее предназначение не ограничивается абстрактно понимаемой научно-практической ролью. Сама нацеленность науки на поиск истины требует раскрытия экономических интересов и противоречий, содержащихся в хозяйственных процессах,

поэтому политическая экономия, обладая потенциалом содержательной критики, способна оппонировать власти. Ведь власть по своей природе заинтересована в использовании науки для своих прагматичных целей, а они в немалой степени связаны с идеологическим подкреплением проводимой политики и поддержанием ее авторитета. Этим определяется значение политического и идеологического векторов в развитии политэкономического знания в сфере экономики, с которым связан жесткий контроль за ее представителями, так же как и стремление заместить одни научные школы другими, менее опасными для власти. Не случайно уже первая «чистка» на кафедре политической экономии произошла через два года после ее образования (в 1821 г.), когда были уволены неугодные преподаватели. В ее истории подобные эпизоды, к сожалению, случались неоднократно и по разным поводам.

Возможность экономической теории определяется не только собственной логикой развития науки. Она зависит от того, какой получит статус и в каком качестве, как будет сформулирован общественный заказ, насколько она окажется подверженной административному влиянию.

Становление кафедры политической экономии происходило параллельно с формированием университетской школы экономической науки в России. Можно считать, что первые 100 лет в ее истории проходили под влиянием ведущих экономических школ, появлявшихся в Европе. Вначале была английская школа классической политической экономии, затем наступил черед немецкой исторической школы. Значительным было воздействие экономического учения К. Маркса, но и у него были свои оппоненты, и уже обнаруживались истоки зарождающейся неоклассической школы. Такая смена теоретических парадигм не являлась простым следованием научной моде, продиктованной зарубежной экономической мыслью. Это был поиск своего места в науке с ориентацией на практическое применение в условиях российской специфики, и в некоторых ее областях он характеризовался достижениями отечественной экономической школы. В конце XIX в. в университете работали выдающиеся российские экономисты А. А. Кауфман, Ю. Э. Янсон, М. И. Туган-Барановский, С. И. Солнцев, А. И. Буковецкий и др. Их последователи и ученики достойно продолжили восхождение экономической науки России. Достаточно привести имена В. В. Леонтьева, ставшего лауреатом Нобелевской премии по экономике, и Н. Д. Кондратьева, разработавшего теории больших циклов в экономике.

Если звездный час в развитии политической экономии как науки пришелся на предреволюционный период, то в организационном отношении ее ведущая роль проявилась при создании факультета в составе Ленинградского государственного университета. Хорошо известно, что в 1940 г. он образовался фактически на основании кафедры политической экономии и до 1949 г. назывался политико-экономическим факультетом. Так сложилось, что первый заведующий кафедрой политической экономии М. А. Балугьянский и первый декан политико-экономического факультета А. А. Вознесенский впоследствии стали ректорами нашего университета.

Политическая экономия не только получила новую жизнь, но и смогла сохранить преемственность во многом за счет того, что инициатор возникновения факультета и первый его декан А. А. Вознесенский пригласил известных экономистов-теоретиков. Некоторые из них снискали известность еще в дореволюционной России.

В советский период значение марксистской политической экономии как теоретической базы в подготовке экономистов было решающим. При этом данная дисциплина в стране была обязательной во всех направлениях образовательной деятельности.

Конечно, такой статус политической экономии, опирающийся на административную поддержку, был не безупречен и таил в себе риски и угрозы. В полной мере они проявились в 1990-х гг., когда произошла смена политического режима в стране и необходимость в данной версии теоретического знания отпала. Хотя сама потребность в экономико-теоретическом знании

не исчезла, ее ведущая роль заметно ослабла и сузилась, что особенно отразилось на падении в образовательном процессе интереса к теоретическому знанию. Наступило непростое время для экономической теории и экономистов-теоретиков. Сегодня это реальность, с которой приходится считаться.

Данное издание не является полноценным описанием истории развития политэкономического (теоретического) знания в университете. Историю становления и развития политической экономии в Санкт-Петербургском университете в разных ее версиях во всей полноте и неоднозначности еще предстоит создать. Тем более что уже есть достойные работы наших коллег из школы статистики и финансовой школы, подобную задачу уже успешно осуществивших, а их публикации могут служить примером¹. Что касается предпринятой нами работы, то ее результатом стал сборник, посвященный двухсотлетию кафедры политической экономии (экономической теории), соединивший материалы, обращенные к некоторым страницам из жизни кафедры, и статьи ее нынешних преподавателей по актуальным экономическим проблемам.

История всегда поучительна, даже когда она ничему не учит. Ее надо знать и применительно к истории экономической науки в нашем университете, чтобы лучше понимать то, свидетелями чего мы становимся. Когда вникаешь в историю, еще больше осознаешь, что многое из ныне происходящего уже было. Осмысление исторического опыта важно как для того, чтобы отдать должное нашим предшественникам, продолжая и развивая заложенные ими научные традиции; так и для того, чтобы понимать противоречивость происходивших событий и неоднозначность их участников, а это, вполне вероятно, поможет нам извлечь из прошлого надлежащие уроки.

В. Т. Рязанов

---

¹ Статистика в Санкт-Петербургском университете / под ред. Я. В. Соколова, Д. А. Львовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010; Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / под ред. В. В. Ковалева. М.: Проспект, 2009.

Раздел 1

Кафедра политической экономии: история в лицах и событиях

Л. Д. Широкопад Политическая экономия в Санкт-Петербургском университете (начало XIX в. – 1939 г.)²

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Широкопад Л. Д.* Политическая экономия в Санкт-Петербургском университете (начало XIX в. – 1939 г.) // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 9–31.

В статье анализируются особенности процесса становления и развития политической экономии в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете до начала Великой Отечественной войны. Выделяются основные этапы этого процесса, характеризуется влияние на развитие политической экономии в вузе особенностей политической и экономической ситуации в стране и европейской экономической науки, рассматривается кадровая политика царского правительства, отношение профессорско-преподавательского корпуса и студенчества к марксизму.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, М. А. Балугьянский, камеральное отделение юридического факультета, Дерптский университет, И. Я. Горлов, В. С. Порошин, Э. Р. Вреден, П. И. Георгиевский, М. И. Туган-Барановский, экономическое отделение факультета общественных наук, Н. Д. Кондратьев, А. А. Вознесенский.

Политическая экономия преподавалась в отдельных учебных заведениях России еще в конце XVIII – начале XIX в. Однако включение этого курса в учебный план столичного Императорского Санкт-Петербургского университета создавало новые, более широкие возможности для развития данной науки, так как именно этот университет находился под особым патронажем верховной власти. Впрочем, указанное обстоятельство зачастую оборачивалось большим ограничением университетской автономии и, соответственно, творческой свободы университетских ученых, нежели в других вузах. Попробуем рассмотреть влияние каждого из этих двух факторов на развитие политэкономии в Санкт-Петербургском университете, охарактеризовать теоретические взгляды ведущих ученых, их вклад в политэкономия и возникавшие между ними дискуссии. Особое внимание уделим при этом анализу коренных, принципиальных изменений в постановке преподавания политэкономии в Петроградском (Ленинградском) университете после революционного 1917 г.

---

² При написании данной статьи использованы материалы публикаций: *Широкопад Л. Д.*: 1) Преподавание политической экономии: начальный этап // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 3. С. 49–55; 2) Научная и педагогическая деятельность М. И. Туган-Барановского в С.-Петербурге (1893–1917) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 1. С. 48–66.

Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете в первой половине XIX в. имеет не только свою историю, но и предысторию. Идея создания Санкт-Петербургского университета родилась задолго до ее оглашения министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным в 1819 г. и воплощалась в жизнь поэтапно. В «Похвальном слове Петру Великому...», прочитанном в торжественном собрании в день открытия Санкт-Петербургского университета 25 марта 1838 г. экстраординарным профессором А. Никитенко, который, кстати, первые 19 лет своей жизни был крепостным графа Шереметева, отмечалось, что «первый русский университет существовал уже в уме Петра. До времени он слил две формы высшего образования в одну, потому что того требовали современные ему нужды государственные» [Слова и речи..., 1838, с. 9–10].

Активное продвижение в решении выдвинутой Петром I задачи создания университета в столице началось после восшествия на престол Александра I. Государство в то время остро нуждалось в высококвалифицированных кадрах управленцев, хозяйственников, ученых, без активного участия которых осуществить реформы, намеченные в различных сферах общественной жизни, было бы невозможно. Однако для образования полноценного университета в начале XIX в. необходимых условий еще не было, поэтому начали с преобразования в апреле 1804 г. существовавшей в Петербурге учительской гимназии в Педагогический институт.

В утвержденных 16 апреля 1804 г. «Предварительных правилах народного просвещения» указывалось, что Педагогический институт следует рассматривать как «отделение имеющего учредить в Санкт-Петербурге университета» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. IX]). Профессор Е. Ф. Зябловский, сменивший 31 октября 1821 г. М. А. Балугьянского на посту ректора Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в то время в России педагогические институты должны были существовать при каждом российском университете (см.: [Зябловский, 1833, с. 38]). Указанные «Правила» предполагали, в частности, что в педагогическом институте должна изучаться политическая экономия (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. IX]). Поскольку преподавать в учебном заведении университетского типа в России было практически некому, многие профессора были приглашены из-за границы. В Санкт-Петербургский пединститут были приглашены «карпато-россы» из Австрии. Среди них был и М. А. Балугьянский, который приехал в столицу 4 февраля 1804 г. Еще 1 августа 1803 г. он был назначен ординарным профессором по кафедре политической экономии в учительской гимназии. В должности ординарного профессора он оставался и после ее преобразования в Педагогический институт (16 апреля 1804 г.), а затем в Главный педагогический институт (23 декабря 1816 г.). Интересно, что в официальных бумагах, подписанных министром духовных дел и народного просвещения в 1819 г., говорилось о «бывшем Главном педагогическом институте, что ныне Санкт-Петербургский университет» [О дозволении студентам..., 1822, с. 26].

Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1198-balugyanskiy-balugjanski-mikhail-andreyevich.html>

Михаил Андреевич Балугьянский был воспитан на работах немецких представителей теории естественного права С. Пуфендорфа, Г. В. Лейбница, Х. Вольфа и Х. Томазия, а в области политической экономии – на идеях А. Смита. В России, будучи профессором столичного Педагогического института, он не только выступил талантливейшим пропагандистом этих идей, но и перенес их «в организацию финансов русского государства» [Фатеев, 1931, с. 14].

М. А. Балугьянский не заботился о публикации своих работ. В основном это было связано с тем, что у него просто не было времени на это. «Лишь в последние месяцы своей жизни он собирался пересмотреть и привести в порядок свои сочинения о финансах и свои лекции по предметам прав и политической экономии» [Старчевский (ред.), 1849, с. 86–87]. Осуществить это намерение Михаил Андреевич не успел, поэтому из его огромного творческого наследия мало что сохранилось.

Некоторые современники Балугьянского были знакомы с его рукописями. Относительно сочинения «Изображение различных хозяйственных систем» бытовало мнение, что именно оно «создало существующую в нашей литературе терминологию политической экономии» [Д. Б., 1890, с. 80–83]. С уверенностью можно сказать и то, что именно М. А. Балугьянский заложил основы преподавания политической экономии в Педагогическом институте, а следовательно и в Санкт-Петербургском университете. Отмечая особую роль Балугьянского в формировании лучших университетских традиций, один из авторов писал в 1891 г., что он «проводил приемы чисто академические просвещенного германского ученого, посеял ту про-

стоту и товарищеские отношения, которые шли вразрез с политикою Магницких» [Первое двадцатипятилетие..., 1844, с. 833]. Интересен тот факт, что в Педагогическом институте М. А. Балугьянский читал лекции не только по политической экономии, но получал жалование он исключительно за этот курс. Можно предполагать поэтому, что преподаванию политэкономии он уделял особое внимание (см.: [Баранов, 1882, с. 12]).

Михаил Андреевич был, пожалуй, самой яркой и совершенно незаурядной фигурой не только среди профессоров Педагогического института. Его уникальные, всеобъемлющие знания, благодаря которым в России его называли кладезем наук (см.: [Фатеев, 1931, с. 16]), высокий профессионализм, огромное трудолюбие сразу обратили внимание российских реформаторов во главе с Александром I. «Созидательное направление, охватившее наших юных русских преобразователей, – писал директор сенатского архива П. И. Баранов, – заставляло их, пользуясь появлением такой энциклопедической личности, черпать в М. А. Балугьянском все те глубоко научные сведения, которые столь тщательно были уже разработаны европейской цивилизацией... Сколько русских государственных деятелей прошло... школу этого ученика» [Баранов, 1882, с. 6, 8]. В частности, Михаил Андреевич был ближайшим сотрудником М. М. Сперанского и министра финансов Д. А. Гурьева. Небезынтересно отметить и то, что именно Балугьянский был избран императрицей Марией Федоровной для преподавания политической экономии великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Один из учеников М. А. Балугьянского Иван Петрович Шульгин, учившийся в Петербургском педагогическом институте в 1810–1813 гг., а в 1834 г. ставший ректором Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в составление полного свода российских законов огромный вклад внесли бывшие студенты Педагогического института, которые выполняли эту работу под руководством Михаила Андреевича. «С каким прежде жадным вниманием и любопытством теснились они вместе с бывшими товарищами вокруг кафедры, с которой раздавался светлый и увлекательный глагол профессора Балугьянского, с такою же тогда готовностью и усердием окружили они своего прежнего любимого наставника; были верными товарищами и соучастниками его трудов и бдений» [Слова и речи..., 1838, с. 22].

В своей записке на имя министра финансов Д. А. Гурьева от 22 ноября 1816 г. М. А. Балугьянский отметил: «Под моим руководством образовано и выпущено до 300 воспитанников, из числа которых многие заняли уже профессорские кафедры в различных учебных заведениях Министерства народного просвещения» [цит. по: Д. Б., 1890, с. 12]. Это было написано за восемь лет до конца профессорской карьеры Михаила Андреевича.

В 1808 г. состоялся первый выпуск студентов Педагогического института. 12 лучших выпускников были отправлены за границу для приготовления к профессорскому званию (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. XIII]). Среди них был ученик Балугьянского Плисов.

В 1816 г. Педагогический институт был преобразован в Главный педагогический институт. Различие состояло не только в названии: Главный педагогический институт был наделен целым рядом прав и обязанностей, которыми ранее могли пользоваться лишь университеты (например, право возведения в ученые степени и звания, обязанность готовить профессоров для высшей школы и др.). При этом «на содержание преобразованного института назначалась сумма вдвое больше определенной на первоначальное образование Педагогического института» [Рождественский (ред.), 1919, с. X–XI]. В 1844 г. тогдашний ректор Санкт-Петербургского университета профессор П. А. Плетнев отмечал, что Главный педагогический институт, существовавший всего два года, представлял «в себе полноту и гармонию университета» [Первое двадцатипятилетие..., 1844, с. 11].

И все же Главный педагогический институт еще не был полноценным университетом. Например, он не выполнял функцию центра по управлению Санкт-Петербургским учебным округом и некоторые другие функции, которые могли быть прерогативой лишь университета. Как отмечал в своем докладе Александру I в феврале 1821 г. министр духовных дел и народ-

ного просвещения А. Н. Голицын, «многолетние опыты показали необходимость учреждения в здешней столице университета вместо Главного педагогического института...» [Об открытии Санкт-Петербургского университета, 1821, с. 428].

В феврале 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован в Санкт-Петербургский университет. Сюда перешли студенты и весь личный состав преподавателей Главного педагогического института (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. XIV]). Число преподававшихся дисциплин и деление на три факультета также были оставлены без изменения (см.: [Первое двадцатипятилетие..., 1844, с. 15]).

Вначале университетский курс был рассчитан на три года. Политэкономия изучали на втором курсе философско-юридического факультета, деканом которого с 1817 г., когда это был еще факультет Главного педагогического института, был Балугьянский. Вскоре он был назначен ректором университета, поэтому чтение курса политической экономии с мая 1820 г. было закреплено за М. Г. Плисовым (см.: [Давидович, 1905, с. 122]).

В первой половине царствования Александра I, когда формировался профессорский корпус Педагогического института, его внутривузовский курс был весьма либеральным. Профессорами института стали действительно выдающиеся ученые. В 1819 г. именно они автоматически стали профессорами Санкт-Петербургского университета. Однако, как известно, пожар Москвы в 1812 г. потряс императора настолько, что у него произошел серьезный душевный перелом. Он все глубже проникался религиозно-мистическими настроениями и окружал себя такими мистиками, как Жозеф де Местр, с которым любил беседовать, в частности, об ордене иезуитов, а также баронесса Крюденель, прославившаяся своими экстатическими пророчествами и, как некоторые полагали, внушившая Александру I идею Священного Союза. Мистическая литература, которой зачитывался император, вдохновляемый своими новыми друзьями, побуждала его направить усилия на то, чтобы жить и править в строгом соответствии со Священным Писанием, игнорируя при этом существующие церкви. Естественно, эти увлечения самодержца не могли не оказать сильнейшего влияния на политику в области народного просвещения. Уже в 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения. Изменилось не только название министерства, но и общее направление его политики. Суть этого изменения состояла в том, чтобы «сорвать едва окрепшую систему высшего образования, утвержденную университетскими уставами 1804 г., с глубоких корней философского Просвещения XVIII века и перестроить ее на началах политической реакции и мистического обскурантизма» [Рождественский (ред.), 1919, с. XXXVII].

Чтобы создать благоприятные условия для реализации этого курса, новый министр князь А. Н. Голицын, по словам историка А. А. Корнилова, «окружил себя подходящим личным составом “Главного правления училищ”, при котором открыт был еще “Ученый комитет”, а в него попали лица вроде известного Стурдзы, издавшего за границей памфлет против германских университетов, послуживший там в 1818 г. сигналом гонения на них. Рядом со Стурдзой введены были ханжи и изуверы, вроде Магницкого и Рунича, которые сделались попечителями учебных округов и произвели полный погром только что пущенного в ход при помощи иностранных профессоров дела просвещения» [Корнилов, 1993, с. 115].

К чести тогдашнего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Уварова, он не поддержал новый курс министерской политики. В письме к своему другу Карлу фон Штейну – прусскому государственному деятелю и советнику Александра I, осуществившему глубокие реформы в различных сферах общественной жизни Германии, в частности отменившему крепостное право в этой стране, Уваров писал: «Состояние умов теперь таково, что путаница мысли не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, то есть огня, который бы не жег; другие (а их всего более) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, французские армии и французские книги... бредни Шишкова и открытия Лейбница; словом, это такой хаос кри-

ков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо; религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франмасон, фанатик и т. п.; словом – полное безумие. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сделаться исполнительным орудием самых преувеличенных страстей» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XXXVIII]).

Жизнь показала, что Уваров шел против течения и потому терпел одно поражение за другим. Именно он открыто выступил против нового попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, осуществившего разгром Казанского университета. В этой борьбе, однако, победил М. Л. Магницкий. Его идея о закрытии Казанского университета была поддержана министром Голицыным, но Александр I все же не решился утвердить этот план. В свою очередь, проект нового устава Санкт-Петербургского университета, разработанный Уваровым в 1820 г. без учета нового курса политики министерства, был заблокирован стараниями Магницкого, а также архиепископа Филарета и Рунича. В результате Устав Санкт-Петербургского университета так и не был утвержден.

В начале 1821 г. директор Санкт-Петербургского университета Д. А. Кавелин, отец известного публициста и общественного деятеля К. Д. Кавелина, воспользовался тем, что учащиеся Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете совершили небольшое нарушение дисциплины и написал письмо Уварову, в котором утверждал, что данный инцидент свидетельствует о грубых просчетах в организации учебного процесса и в преподавании общественных наук. В частности, в письме указывалось на необходимость составить для пансиона такие курсы философии, естественного права, истории и политической экономии, «кои бы не только не противоречили учению Откровения, но, не закрывая мраком лжемудрия, по истине его подтверждали», а «всех ненадежных по совести в сем смысле преподавателей» он предлагал заменить другими по выбору директора, то есть его самого (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XLI]).

Уваров весьма критически отнесся к этим предложениям. В частности, он писал министру Голицыну: «Что же касается до того, чтобы основать политическую экономию на Откровении, то я сию мысль не постигаю» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XLII]).

В этом противостоянии Голицын принял сторону противников Уварова, и последний вынужден был уйти в отставку в июле 1821 г. Кавелин же, одержавший победу, начал искоренять сложившийся в университете порядок и систему образования. Как отмечал один из лучших знатоков истории Санкт-Петербургского университета профессор С. В. Рождественский, «построенный на началах рационалистической философии XVIII века, этот порядок изображался теперь руководителями Министерства духовных дел и народного просвещения как воплощение самого князя тьмы, “с трактатами философии и с хартиями конституции в руке поставившего престол свой на Западе и желающего быть равным Богу”. Такого порядка нельзя было преобразовывать; его надлежало вырвать с корнем» [Рождественский (ред.), 1919, с. XLIII].

После отставки графа Уварова исполняющим должность попечителя Санкт-Петербургского университета и Петербургского учебного округа был назначен член Главного правления училищ Д. П. Рунич. Вскоре после вступления в должность он поручил директору Петербургского университета и состоявшего при нем Благородного пансиона Д. А. Кавелину взять тайно у отдельных студентов конспекты лекций некоторых профессоров и преподавателей. Конспекты поступили в Главное правление училищ, которое, как уже отмечалось, было укомплектовано соответствующими кадрами. Это Правление обвинило профессоров университета Германа, Раупаха, Галича и адъюнкт-профессора Арсеньева в атеизме, маратизме и робеспьеризме и отстранило их от чтения лекций. В ноябре 1821 г. состоялось три заседания университетского суда, на которых председательствовал тот же Рунич и где присутствовали Кавелин и

Балугьянский. Вся четверка ведущих ученых была признана виновной и уволена из университета. Вслед за ними добровольно ушли из университета некоторые другие профессора. Балугьянскому пришлось подать в отставку с ректорского поста, а в 1824 г. он уволился и с должности профессора.

Эта катастрофа, конечно, была бы невозможна без молчаливой поддержки Александра I. Великий князь и будущий император Николай Павлович, видимо, хорошо понимал всю нелепость этой истории и вред, который она принесла. В феврале 1824 г., встретив Рунича, он не без сарказма стал благодарить его от себя, от матери и от великого князя Михаила Павловича за то, что в результате травли, организованной Руничем, уволенных профессоров приняли на службу в патронируемые августейшими особами учебные заведения. «Сделайте одолжение, – заявил он ему, – нам очень нужны такие люди, – пожалуйста, выгоняйте их побольше из университета, у нас для всех найдутся места» (цит. по: [Корсакова, 1918, с. 598]).

История с университетским судом сделала Рунича притчей во языцех. Издевался над ним не только Николай Павлович, но и литераторы. Так, А. Ф. Воейков, в своей знаменитой сатире «Дом сумасшедших» писал:

Други, признаюсь: из кельи,
Уши я, зажав, бежал...
Рядом с ней на новосельи
Рунич бегло бормотал:
«Вижу бесов пред собою;
От ученья сгинул свет...
Этой тьме Ньютон виною
И безбожник Боссюэт!
Локк запутал ум наш в сети,
Геллерт сердце обольстил;
Кантом бредят даже дети,
Дрекслер нравы развратил!»

(цит. по: [Корсакова, 1918, с. 596]).

За свои заслуги в борьбе с инакомыслием Рунич был назначен попечителем Петербургского учебного округа, но проявил себя как совершенно бездарный администратор. Решения, которые он принимал единолично, без консультаций с профессорским корпусом, были весьма непопулярными и в конечном счете привели университет к тяжелому финансовому кризису. Одно из таких решений, на реализацию которого ушло много средств, состояло в том, что в 1822 г. университет был переведен из здания Двенадцати коллегий на Семеновский плац (напротив казарм Семеновского полка), куда было тяжело добираться и студентам, и профессорам, жившим на Васильевском острове. В 1826 г. Николай I отстраняет Рунича от должности попечителя и отдает распоряжение о начале следствия над ним. В «Обзрении состояния Императорского Санкт-Петербургского университета и его округа по хозяйственной и учебной части за 1826 г.» указывалось, что в результате деятельности Рунича на посту попечителя «университет лишился одиннадцати профессоров, из коих одни, принужденные обстоятельствами, сами оставили оный, а другие были отставлены» [Рождественский (ред.), 1919, с. 603].

Разгром университета в 1821 г. наряду с некоторыми другими причинами, как отмечается в «Отчете по Санкт-Петербургскому университету и его округу за 1826 г.», воспрепятствовали ему «возвыситься до такой же степени, на которой находятся другие того же названия учебные заведения в России» [Рождественский (ред.), 1919, с. 597]. Разрушить всегда легче, чем создать. По словам П. Н. Милюкова, «последствием грозы... была замена лучших профессоров поколением совершенных ничтожностей» [Милюков, 1994, с. 287]. Оценивая

в целом историческое значение того поворота в политике Министерства народного просвещения, который произошел в последний период царствования Александра I, А. А. Корнилов писал: «...народное... просвещение, сильно двинувшееся было вперед в начале царствования, теперь было подавлено, искажено и изуродовано обскурантскими и реакционными мерами клерикалов и изуверов-мистиков» [Корнилов, 1993, с. 130].

Восстановление университета после разгрома 1821 г. происходило долго и болезненно, но, как отмечал профессор С. В. Рождественский, «труднее всего было восстановить... философско-исторический факультет, гнездо вредоносных наук – философии и естественного права», он оказался «наиболее отсталым из всех» [Рождественский (ред.), 1919, с. LXXXIII, LXXXV]. После ухода Балугьянского, а вслед за ним его ученика М. Г. Плисова, который был уволен в 1822 г. за поддержку профессоров, подвергшихся опале, политэкономии в университете вплоть до 1835 г. стали преподавать непрофессионалы типа Н. И. Бутырского и А. Н. Никитенко. При этом Бутырский особенно отличался верноподданническими настроениями. Политэкономии он читал с 1821 г. по А. Смит с прибавлениями из Ж.-Б. Сэя и других авторов, но в конечном счете вернулся к преподаванию словесности, причем делал это «в духе стародавней схоластической традиции, лишенной уже всякой научности» [Рождественский (ред.), 1919, с. LXXXVI]. Как отмечал еще в 1870 г. профессор В. В. Григорьев, этот курс он «читал небрежно, и его лекции, доставляя слушателям существенного и полезного весьма немного, весьма много приучали к напыщенности и переливанию из пустого в порожнее» [Григорьев, 1870, с. 73]. Можно предположить, что если таким образом Н. И. Бутырский проявил себя в преподавании науки, где он считался профессионалом, то преподавание совершенно чуждой ему политэкономии было поставлено по крайней мере не лучше.

В 1835 г. утвердили новый университетский устав, который фактически отменял права «университетской автономии», закрепленные общеуниверситетским уставом 1804 г. И не случайно он был назван П. Н. Милюковым авторитарным (см.: [Милюков, 1994, с. 300]). В соответствии с уставом 1835 г. университет стал рассматриваться в основном как учебное, а не учебно-научное учреждение. Это был серьезный шаг назад по сравнению с общеуниверситетским уставом 1804 г., который требовал обеспечения органического единства учебного процесса и научных исследований. Что касается кафедры политэкономии и статистики, то она была переведена с юридического факультета на историко-филологическое отделение философского факультета, что отражало стремление власть имущих в максимальной степени удалить указанную кафедру от исследования актуальных теоретико-экономических проблем, имевших ярко выраженное политическое звучание, направить научные исследования российских экономистов в русло академизма.

В новых условиях российские университеты оказались слишком слабыми, чтобы самостоятельно воспроизводить кадры профессоров и преподавателей. Для их подготовки приходилось направлять выпускников российских университетов на своеобразную стажировку в иностранные, в основном германские, университеты, а также в специально для этой цели созданный Профессорский институт при Дерптском университете. Прошедшие столь серьезную подготовку молодые профессора, как правило, владели знаниями в соответствующих науках на европейском уровне, что, конечно, способствовало повышению качества преподавания. Некоторые из них пользовались особой популярностью в студенческой среде. Например, В. С. Порошин, сменивший в 1835 г. Н. И. Бутырского в должности профессора кафедры политэкономии и статистики, по словам его биографа, «официально... читал политическую экономию по сочинению Шторха... Но... при своей обширной начитанности, знакомил слушателей со множеством других вопросов, соприкасавшихся с главным содержанием его лекций, и обращал внимание студентов на возникавшие в то время в Западной Европе учения социалистических школ в сфере политической экономии. Несмотря на полное отсутствие красноречия, Порошин сделался скоро любимейшим из профессоров, благодаря разнообразности его обра-

зования, гуманистическим тенденциям, а главное – благородству своего характера. По словам П. А. Плетнева (ректор университета с 1840 по 1861 г. – *Л. III.*), студенты привыкли приходить в аудиторию Порошина с приятным ожиданием услышать что-нибудь научно-любопытное и выходить оттуда с новыми мыслями, каждый раз глубоко обдуманными и полными многообразного приложения к общественной жизни» [Майков, 1905, с. 578].

В 1843 г. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета открывается так называемое «камеральное отделение», призванное готовить чиновников и хозяйственников. В блоке экономических дисциплин основное внимание теперь уделялось изучению государственных финансов, форм государственного регулирования экономики, экономике отдельных отраслей. Впрочем, здесь преподавалась и политическая экономия. Все же в Николаевскую эпоху эта наука, как и философия, была не в чести у власть имущих, которые очень опасались (и не без оснований), что ее изучение будет способствовать росту вольнодумства и оппозиционных настроений в среде студенческой молодежи. Преподавание политэкономии было обставлено особенно суровыми ограничениями в 1848 г., когда многие европейские страны захлестнула волна революций. Министерство народного просвещения исходило из того, что изучение этой науки чревато различного рода злоупотреблениями.

Горлов Иван Яковлевич (1814–1890)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1466-gorlov-ivan-yakovlevich-2.html>

С воцарением Александра II в 1855 г. начался период реформ, которые коснулись и университетского образования. В соответствии с новым уставом, принятым в 1863 г., университетам была предоставлена автономия. Профессорам стало легче публиковать свои сочинения. В 1847 г., после неожиданного ухода из университета В. С. Порошина, для преподавания политэкономии в Санкт-Петербургском университете был приглашен казанский профессор Иван Яковлевич Горлов. Тот факт, что в столице не нашлось ни одного человека, которому можно было бы поручить чтение лекций по политэкономии в университете, свидетельствует о весьма серьезном отставании в этой сфере научных исследований, что было следствием той политики, которую проводило министерство в эпоху царствования Николая I.

И. Я. Горлов был первым профессором Санкт-Петербургского университета, написавшим учебник под названием «Начала политической экономии». В качестве эпиграфа он избрал высказывание Монтескье: «Je n'ai point tiré mes principes de mes préjugés, mais de la nature des choses» («Я не вывожу мои принципы из моих предположений, но из природы вещей») [Горлов, 1859, титульный лист]. Действительно, предметом исследования в двухтомном трактате были, как писал сам ученый, «естественные законы экономии народов» [Горлов, 1859, с. II]. К числу этих законов он относил прежде всего принцип невмешательства. Правда, как справедливо отмечал профессор Н. К. Каратаев, «если во Франции XVIII в. этот лозунг имел определенное антифеодальное содержание, то в России середины XIX в. он использовался либеральными экономистами для охраны феодальной земельной собственности, для невмешательства в земельные дела помещиков и предоставления им свободы при определении своих взаимоотношений с крепостным крестьянином» [Каратаев, 1958, с. 421–422]. Хотя экономические воззрения И. Я. Горлова и претерпели определенную эволюцию, особенно под воздействием реформ, которые проводил Александр II, в целом он неизменно защищал интересы помещиков, за что был подвергнут суровой критике Н. Г. Чернышевским. В то же время он выступил как идеолог буржуазных реформ в области промышленности, транспорта, финансов. Горлов признавал хозяйственные особенности России и считал совершенно необходимым для теоретика использовать экономическую теорию для решения практических задач хозяйственного развития страны. Он хорошо знал как современную ему европейскую экономическую мысль, так и экономику России, хорошо читал лекции, и студенты это ценили. По словам Ф. Н. Устрялова, одного из студентов Горлова, «читал <лекции> достаточно интересно и обладал даром слова. Но все желания его придать более общий смысл преподаваемому предмету разбивались о тесные рамки, в которые в то время была поставлена “Политическая экономия” как наука. Она подвергалась такому строгому преследованию, что некоторые отделы ее были или совершенно исключены, или же преподавались в кратких, отрывочных заметках. Не только было запрещено говорить о новейших теориях и системах, не только строжайшему ostracismu подпали доктрины Фурье и Сен-Симона, но даже о Мальтусе и России следовало выражаться крайне осторожно» [Устрялов, 1884, с. 125].

В 1880 г. ординарным профессором по кафедре политэкономии в Санкт-Петербургском университете становится Э. Р. Вреден, хотя лекции по политэкономии он начал здесь читать еще в 1873 г. В университете он проработал почти четверть века. Он относился «крайне отрицательно как к “необузданному индивидуализму” либеральной школы, так и к протекционизму, даже в листовской интерпретации» [Л. Л., 1913, с. 829]. В отличие от И. Я. Горлова он занимал четко выраженную критическую позицию по отношению к помещикам и придавал важное значение необходимости активного участия государства в защите интересов рабочих, в частности настаивал на целесообразности введения системы участия рабочих в прибылях предпринимателей при гарантии определенного уровня минимальной заработной платы, а также на организации принудительного страхования рабочих при половинном участии в расходах рабочих и предпринимателей. Он защищал народническую идею о необходимости организации артелей при отказе от использования наемного труда. Можно сказать, что взгляды Вредена, если сравнить их с позицией Горлова, учитывали новые экономические и политические реальности и были более взвешенными.

Основной политэкономической работой Э. Р. Вредена является «Курс политической экономии» (первое издание – в 1874 г., второе – в 1880 г.). Эта объемная книга написана на основе изучения прежде всего немецкой экономической литературы, которую автор «Курса» хорошо знал. Изложение экономической теории сопровождается у него критическим разбором существующих точек зрения по тому или иному вопросу. Например, он доказывает неосновательность представлений о том, что политическая экономия – это учение о ценности, или, как утверждали другие исследователи, наука о народном хозяйстве; критикует взгляды В. Г.

Ф. Рошера, И. В. Вернадского и других по этому вопросу. Опираясь на труды А. Э. Ф. Шеффле, он развивает «учение о морфологии хозяйственных процессов», предлагая даже заменить понятие «учение о распределении» понятием «учение о морфологической законосообразности деяний и явлений в области хозяйства» [Вреден, 1874, с. 42, 48]. Необходимо отметить, что такая постановка вопроса не получила поддержки в российской экономической литературе. То же можно сказать и об отрицании Э. Р. Вреденом существования школ в политической экономии. Некоторые разделы «Курса» были особенно хорошо разработаны, например учение о страховании (этот раздел экономической науки в то время еще не полностью обособился от политической экономии), где автор был специалистом.

В 1890 г. ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики в Санкт-Петербургском университете становится Павел Иванович Георгиевский. В том же году он публикует учебник «Политическая экономия», выдержавший четыре прижизненных издания (пятое издание – в 2016 г.). Как и многие российские авторы курсов по политэкономии, опубликованных в XIX в. (И. Я. Горлов, Н. Х. Бунге, Э. Р. Вреден, Л. В. Ходский, А. А. Исаев и др.), он опирался прежде всего на современную ему немецкую экономическую литературу. В предисловии к первому изданию учебника он сам признал, что во многих его разделах он следовал «главнейшим образом изложению науки, даваемому лучшими представителями историко-этического направления, как Рошер, Книс, Шмоллер, А. Вагнер, Кон и др.» [Георгиевский, 2016, с. IX]. Компилятивность изложения многих теоретико-экономических проблем в курсе Георгиевского, фетишизация им работ крупных немецких экономистов были подвергнуты весьма острой критике в журнале «Русское Богатство». Так, один из рецензентов в своем отзыве на второе издание указанного учебника писал, что его содержание «приносит соблазнившемуся им читателю горькое разочарование», что при изложении «общего учения о распределении доходов... автор не идет далее слов Д. С. Милля и других давнишних экономистов», а его рассуждения по вопросу о национализации земли «поражают... своей детской наивностью» [А-нко, 1895, с. 1–5]. Что касается рабочего вопроса и современной системы хозяйства вообще, то Георгиевский «ни на шаг» не ушел «далее того, что давным-давно высказывалось экономистами вроде Сэя, Бастиа и в особенности Мальтуса» [А-нко, 1895, с. 7]. Другой рецензент писал, что «4/5 курса <Георгиевского> составляет сплошное заимствование... местами же почтенный профессор входит в такой азарт, что уже сплошь списывает у Бём-Баверка целыми страницами до мельчайших и смешных примеров включительно... Все это делается уж слишком бесцеремонно: не только не ставятся кавычки, но очень часто не делается даже простых ссылок на авторов, которые обираются с такой безжалостностью» [Б. Э., 1896, с. 28].

В соответствии с провозглашенной в августе 1905 г. частичной автономией университетов профессора получили самоуправление. В результате, как отмечалось в запросе первой фракции Государственной думы «О положении дел в высшей школе» (1910 г.), «уже с 1905 г. кадетские течения, возобладавшие в профессуре, последовательно, систематически пользуются своим правом для осуществления партийной тенденции, стараясь провести в состав профессорских коллегий и на должности младших преподавателей исключительно политических единомышленников... Само правительство, отказываясь легализовать конституционно-демократическую партию, тем признает ее противогосударственной, но одновременно оно смотрит с полным безучастием на вышеописанные явления, ведущие к гибели нашу молодежь» [Запрос..., 1910, с. 21–22].

В университеты вернулись многие крупнейшие русские ученые, среди них и Михаил Иванович Туган-Барановский. Он состоял приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, хотя и с перерывами, еще в 1890-х гг.; однако, опасаясь его растущего влияния на находящуюся в оппозиции интеллигенцию и радикальную молодежь в условиях быстрого созревания революционной ситуации в стране, в марте 1901 г. власти запретили ему находиться в столице. Несколько лет он жил в своем имении в Лохвице Полтавской губернии. Вернуться в Петербург

он смог лишь после революции 1905 г. На должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета М. И. Туган-Барановский вновь был зачислен с 1 января 1906 г. На этот раз он проработал в Санкт-Петербургском университете ровно семь лет. Он читал здесь лекции и вел практические занятия по политэкономии, которая изучалась на первом курсе юридического факультета. Кроме него, лекции по политэкономии читали ординарный профессор П. И. Георгиевский и иногда приват-доценты В. В. Святловский и В. Г. Яроцкий.

Основным лектором считался П. И. Георгиевский. Это был человек консервативных убеждений, входивший в различные властные структуры, обласканный властями. Он был убежденным противником социализма и марксизма. Что же касается М. И. Туган-Барановского, то он был сторонником социалистической организации общества. В наиболее развернутой и завершенной форме свои взгляды по этому вопросу он представил в одной из последних своих монографий «Социализм как положительное учение» (Пг., 1918). Конечно, социализм Туган-Барановского был бесконечно далек от социализма Ленина. Это был этический социализм, подчеркивавший общечеловеческие ценности и критиковавший капитализм за его анти-гуманность, за то, что он является источником фетишизма и отчуждения. Положение о неизбежной гибели капитализма в результате действия стихийных экономических сил он считал ненаучным. В 1910 г. П. Б. Струве писал: «Туган-Барановский, быть может, самый замечательный из теоретиков, продолжающих Маркса». Он называл его «сознательным апологетом социализма», «самым видным в Европе экономистом-теоретиком, который в то же время является социалистом» [Струве, 1910, с. 127].

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/606-tuganbaranovskiy-mikhail-ivanovich.html>

Помимо несомненного таланта ученого, более радикальная направленность лекций М. И. Туган-Барановского, учитывая популярность социалистических идей в студенческой среде в начале XX в., во многом предопределила их несравненно больший успех по сравнению с лекциями П. И. Георгиевского. По словам учившегося в 1910–1914 гг. на юридическом факультете Питирима Сорокина, впоследствии всемирно известного социолога, «оба они читали параллельные курсы по политэкономии, но число студентов, записывавшихся на курс Туган-Барановского, было во много раз больше, чем у Георгиевского. Их доходы также разнились соответственно» [Сорокин, 1992, с. 65].

Интересно, что сам П. И. Георгиевский критиковал систему, в соответствии с которой приват-доцент мог читать параллельный (читаемому профессором) обязательный курс, по которому необходимо сдавать экзамен. «Устав 1884 г., – писал он, – очевидно, не предусмотрел невыгодных последствий от поощрявшихся им конкурентных курсов приват-доцентов... Вообще устав 1884 г. весь проникнут началом недоверия к профессорам и наивного... доверия к приват-доцентам. В этом мы видим чрезвычайно важный недостаток устава...» [Георгиевский, 1909, с. 13].

Одно из важных следствий определенного расширения университетской автономии в начале XX в., особенно после революции 1905 г., состояло в легализации деятельности студенческих научно-литературных кружков. После своего возвращения в Санкт-Петербургский университет в 1906 г. М. И. Туган-Барановский с большим энтузиазмом и интересом принимается за организацию и руководство деятельностью такого рода кружков. Подобная форма работы со студентами по сравнению с лекциями давала гораздо большие возможности для свободного дискуссионного обсуждения актуальных вопросов теории и политики, для выявления творческого потенциала наиболее перспективных студентов, для формирования будущих ученых. М. И. Туган-Барановскому все это было чрезвычайно важно и интересно, тем более что он любил работать с молодежью и, будучи одним из крупнейших экономистов своего времени, чутко улавливал пульс движения мировой экономической мысли. Студенты все это хорошо понимали и высоко ценили.

В семинарии (групповое практическое занятие под руководством преподавателя в вузе), просеминарии (практическое занятие в вузе, предшествующее более сложному занятию семинарского типа) и кружке по политэкономии, которыми руководил М. И. Туган-Барановский, царила совершенно особая атмосфера научного поиска, студенты вовлекались в борьбу различных научных школ и направлений, что способствовало усвоению ими высокой культуры научных исследований, привлечению их к большой науке. Лучшие студенческие научные работы после тщательной доработки с учетом результатов их обсуждения публиковались. Так, в 1909 г. была напечатана работа студента В. Гиршфельда «Теорема о пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям». Она возникла под влиянием лекций и учебника М. И. Туган-Барановского по политэкономии, где идея пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям получила обстоятельное и глубокое обоснование. Именно эта идея придавала совершенно своеобразное и неповторимое методологическое звучание «Основам политической экономии» Туган-Барановского по сравнению с другими учебниками по политэкономии, написанными русскими экономистами – современниками Михаила Ивановича. Данная концепция уже тогда вызывала критику и неприятие ряда крупных экономистов, прежде всего со стороны недавнего соратника М. И. Туган-Барановского по борьбе с народничеством П. Б. Струве. Тем не менее Туган-Барановский активно ее пропагандировал, в том числе и в студенческой среде. Статья В. Гиршфельда отражает интерес студентов к данной проблеме в начале XX века.

В первом выпуске «Вопросов обществоведения», в редактировании которого принимал участие М. И. Туган-Барановский, была опубликована статья его студента Л. И. Форберта «Учение Бем-Баверка о происхождении дохода на капитал». Примечательно, что автор, видимо

не без влияния М. И. Туган-Барановского, отнюдь не считает теорию прибыли на капитал Е. Бём-Баверка последним словом экономической науки, как это делал Георгиевский. Он приходит к выводу, что, являясь «не чем иным, как эклектической смесью элементов теорий воздержания и производительности», эта теория «несостоятельна» и «не представляет собой никакой новой попытки объяснения дохода на капитал... под новой формой, новыми словами скрываются старые ошибки» [Форберт, 1908, с. 222–223, 241].

В 1912 г. начали издаваться «Труды экономического семинария под руководством Туган-Барановского при юридическом факультете Санкт-Петербургского университета», в которых публиковались лучшие работы его студентов, обсуждавшиеся на семинарии.

Туган-Барановский, как магнит, притягивал к себе студентов. По словам самого талантливого из его учеников Н. Д. Кондратьева, «студенчество теснилось к его кафедре. М. И. находился с ним в очень тесной духовной связи. Этому способствовали в особенности кружки и семинарии, которые работали под его руководством. Можно с уверенностью сказать, что многие и многие, вспоминая свою студенческую жизнь в Петрограде, с большим вниманием и любовью вспомнят и ту напряженную умственную работу, интеллектуальный подъем и волнение, которые пережили в упомянутых кружках. Достоинством этих кружков было то, что М. И. давал почти неограниченную свободу умственному творчеству молодежи. Он менее всего склонен был подавлять ее своим авторитетом и ученостью. Как правило, свободный выбор тем, свободная трактовка их, свободная критика господствовали в кружках М. И. Вот почему там можно было слышать доклады и о теории ренты, и наряду с этим – доклады о природе социологии как науки, о понятиях равенства и свободы, о социологии славы и т. д. Там можно было наблюдать напряженную борьбу направлений» [Кондратьев, 1923, с. 117–118].

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938)

Источник: http://www.promved.ru/images/PV5_6p1r2.JPG

Своим любимым учителем называл М. И. Туган-Барановского Н. Д. Кондратьев. Уже на первом курсе, работая под его непосредственным руководством, он попал под обаяние его личности. Характеристике его личности и творческого пути он посвятил две специальные работы. В одной из них он прямо писал, что «считает себя одним из ближайших учеников» М. И. Туган-Барановского [Кондратьев, 1923, с. 6].

С 1911/12 учебного года П. И. Георгиевский прекращает чтение лекций на юридическом факультете, и курс политэкономии закрепляется за М. И. Туган-Барановским. Такое его выдвижение было совершенно неприемлемо для министерских властей. 20 июля 1912 г. товарищ министра народного просвещения барон М. А. Таубе известил попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о том, что поручение чтения общего обязательного курса по политэкономии М. И. Туган-Барановскому утверждается только на осеннее полугодие 1912 г. ввиду предполагаемого замещения этой кафедры. Действительно, с 1913 г. курс «Политическая экономия (общий курс теории и истории)» на юридическом факультете университета читает ординарный профессор И. И. Чистяков, ранее преподававший в Новороссийском университете. Для М. И. Туган-Барановского же было запланировано лишь проведение практических занятий. По существу, это был шаг, направленный на то, чтобы вынудить его уйти из университета. И расчет оправдался. По словам Н. Д. Кондратьева, «Михаил Иванович с болью в душе покидает университет» [Кондратьев, 1923, с. 115] и переходит на работу в Петроградский политехнический институт императора Петра Великого.

Причины, препятствовавшие М. И. Туган-Барановскому занять должность профессора Санкт-Петербургского (Петроградского) университета, исчезли лишь после свержения царского режима. Почти сразу же после Февральской революции, 20 марта 1917 г., Совет Петроградского университета избрал его ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики. Избрание вскоре было утверждено Министерством народного просвещения. Однако М. И. Туган-Барановскому не суждено уже было вернуться в университет. 7 сентября 1917 г. Временное правительство утвердило его генеральным секретарем по ведомству финансов Украинского генерального секретариата. На Украине начался последний, весьма непродолжительный этап научной и политической деятельности выдающегося экономиста.

Важно отметить, что влияние государственной власти на уровень и характер преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете в дореволюционный период было весьма противоречивым. С одной стороны, именно государство, заинтересованное в повышении общего уровня высшего образования в стране для преодоления отставания России от передовых европейских государств, и особенно в повышении уровня экономического и юридического образования будущих чиновников, инициировало изучение политической экономии в университетах и создавало для этого минимально необходимые условия. С другой стороны, понимая, сколь опасной в идеологическом и политическом отношении является эта наука для самодержавного режима, оно резко ограничивало свободу в преподавании политической экономии всякий раз, когда обострялась внутренняя или международная обстановка. В течение всего дореволюционного периода университетская политическая экономия находилась как бы под колпаком у царизма, что, конечно, обуславливало ее отставание от европейской экономической науки, зависимость от нее, слабость и недостаточную оригинальность ее теоретического ядра, нацеленность на решение прежде всего задач идеологического характера.

Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война нанесли удар за ударом по университетской науке, в том числе и экономической: многие ученые погибли, другие эмигрировали, не желая сотрудничать с новыми властями или опасаясь репрессий. В университетах продолжали работать в основном лояльно относившиеся к властям экономисты. Марксизм постепенно утверждался в качестве государственной идеологии, отступление от которой допускалось все в меньшей степени. При этом лишь государство и его идеологические органы вправе были решать, какая интерпретация марксизма является истин-

ной. Всякие отступления от идеологического стандарта рассматривались как ревизия марксизма и все более жестоко преследовались, что вынуждало многих выдающихся экономистов прекращать исследования в области экономической теории и переходить к изучению более отдаленных от идеологии проблем экономической науки или даже вообще покидать эту сферу научной деятельности. Именно так произошло, например, с В. М. Штейном и Е. Е. Слуцким.

Буковецкий Антоний Иосифович (1881–1972)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/172-bukovetskiy-antoniy-iosifovich.html>

В 1919 г. юридические факультеты университетов, в рамках которых существовали кафедры политической экономии и сформировались традиции российской экономической науки, позволившие ей выйти на европейскую арену, были упразднены. Вместо них были образованы факультеты общественных наук (ФОН), где преподавание, в том числе и политэкономии, оказывалось в прокрустовом ложе марксизма. Все же на ФОН еще работали весьма известные экономисты. На ФОН Петроградского университета, например, читали лекции профессора С. И. Солнцев (будущий академик), А. И. Буковецкий, В. В. Святловский, К. А. Пажитнов (позже член-корреспондент АН СССР) и др. Его социально-экономическое отделение фактически возглавлял профессор Антоний Иосифович Буковецкий. Двое из его учеников – А. А. Вознесенский и В. В. Рейхардт – позже стали первыми деканами политико-экономического факультета Ленинградского университета, а А. И. Буковецкий – одним из ведущих его профессоров. Именно на факультете общественных наук впервые проявился организаторский талант А. А. Вознесенского. Не случайно в 1922 г. его приглашают на должность секретаря Президиума ФОН. В течение двух с половиной лет он вместе с профессором А. И. Буковецким руководил социально-экономическим отделением ФОН.

В середине 1920-х гг. ФОН были упразднены. Профессора и студенты экономического отделения ФОН Ленинградского университета были переведены в основном на экономический факультет Политехнического института. На рубеже 1920-х и 1930-х гг. был провозглашен позже признанный ошибочным лозунг: «Науку надо до конца ввинтить в производство», в

соответствии с которым, например, в мае 1930 г. в Ленинградском университете были ликвидированы все гуманитарные факультеты. В 1931 г. в совместном письме Президиума Ленинградского областного совета профсоюзов и Директора ЛГУ с гордостью объявлялось, что ЛГУ «представляет собою естественно-научный, физико-математический и химический комбинат» [Письмо Президиума..., 1931, с. 2]. На практике это приводило к дальнейшей деградации и атрофии фундаментальной теории во всех общественных науках, включая политэкономию.

К концу 1920-х гг. до предела обострившаяся внутривластная борьба и победа в конечном счете сталинской группировки оказали катастрофическое воздействие на развитие самой марксистской экономической науки. Крупнейшие советские марксисты (Д. Б. Рязанов, И. И. Рубин, Н. И. Бухарин и др.) были ошельмованы и репрессированы. Это подорвало возможность творческого развития в СССР даже марксистского экономического учения.

В 1930-х гг. во многих советских университетах крупные экономисты-теоретики просто отсутствовали. В Ленинградском университете, например, даже общеуниверситетскими кафедрами политической экономии и теории советского хозяйства тогда руководили случайные люди, далекие от науки (Н. Я. Пилявин, А. И. Бланкштейн и др.). Пожалуй, единственным исключением в этом ряду был И. С. Плотников, возглавлявший кафедру политэкономии ЛГУ короткое время в 1931 г.

В конце 1930-х гг. на кафедре политэкономии ЛГУ не было ни одного профессора и даже доцента, а в университетском ученом совете, в состав которого входил 101 человек, не было ни одного экономиста. В декабре 1939 г. студент пятого курса экономического отделения исторического факультета ЛГУ Э. Юдовин писал, имея в виду старую общеуниверситетскую кафедру политэкономии: «Несколько больше года тому назад университетская кафедра политэкономии не была центром ни научной, ни методической работы. Ряд курсов читался на низком уровне. Студенты были недовольны постановкой преподавания политэкономии» [Юдовин, 1939, с. 3].

В 1938 г. в СССР не хватало 300 преподавателей политэкономии и философии. В то же время к началу этого года по всей стране при кафедрах социально-экономических наук имелось всего 7 аспирантов по политэкономии и 25 – по философии. Руководство партии, политика которой довела до подобного кризиса, обвинила в этом и других провалах системы высшего образования так называемых врагов народа. К ним были причислены, в частности, назначенные совсем недавно, в мае 1936 г., председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР И. И. Межлаук и его заместитель, видный советский экономист Ш. М. Двойлацкий а также многие ректоры вузов, в том числе и ректор ЛГУ М. С. Лазуркин. Все они были расстреляны.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» партийное руководство страны ставит вопрос о необходимости резкого усиления идеологической работы. В резолюции Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР, состоявшегося в 1938 г., указывалось на необходимость «уделить особое внимание преподаванию социально-экономических дисциплин, как одному из основных условий овладения большевизмом. Организовать подготовку и повышение квалификации преподавательских кадров по политэкономии, философии и ленинизму» [Резолюция..., 1938, с. 5]. Таким образом, необходимость открытия политэкономических факультетов для подготовки преподавателей политэкономии обосновывалась потребностями идеологического характера. Задача ставилась так: «...советскому специалисту надо знать основы политэкономии... в такой же мере, как сопротивление материалов» [Первое Всесоюзное совещание..., 1938, с. 64]. В этой обстановке партком ЛГУ поставил вопрос о восстановлении и укреплении кафедры политэкономии. В сентябре 1939 г. заведующим кафедрой был назначен А. А. Вознесенский.

Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950)

Источник: <http://www.econ.spbu.ru/fakultet/istoriya-fakulteta>

К началу XX в. политическая экономия в России достигла столь высокого уровня зрелости, что впервые обратила на себя внимание европейских экономистов. Немалая заслуга в этом принадлежит экономистам Санкт-Петербургского университета, прежде всего М. И. Туган-Барановскому. Характеризуя историческое место Туган-Барановского в истории русской экономической мысли, Н. Д. Кондратьев писал: «Можно смело утверждать, что М. И. в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке Европы, в России... это увеличивает национальное значение М. И. Он стал не только вровень с эпохой, не только вровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он мог содействовать прогрессу ее, и в силу этого он больше, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую мысль в ряд с европейскими» [Кондратьев, 1923, с. 112].

Несмотря на кадровую политику царского правительства, направленную на вытеснение оппозиционно настроенных ученых из столичного университета, к 1917 г. Санкт-Петербургский университет продолжал оставаться одним из крупнейших центров экономической науки в стране. 1920–1930-е гг. оказались самыми тяжелыми в истории кафедры политической экономии Санкт-Петербургского университета. Потенциал теоретических исследований, накопленный в дореволюционный период, к сожалению, востребован не был. В результате бесконечных перестроек и репрессий экономическая наука в университете в конечном счете была обескровлена. Насильственно внедряемая сверху монополия утвержденной властями концепции марксизма, использование ее в качестве инструмента в идеологическом арсенале правящей партии выхолостили живую душу великого учения, дискредитировали его, парализовали возможность его эффективного использования в практике экономического строительства и политической борьбы.

Список литературы

А-нко. Кусочек курса политической экономии. Рец. на: П. И. Георгиевский. Политическая экономия. Второе издание. Часть II. Выпуск I // Русское богатство. 1895. № 10. С. 1–11.

Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский. Статс-секретарь, Сенатор, тайный советник (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882.

Б. Э. Новый курс политической экономии // Русское богатство. 1896. № 5.

Вреден Э. Р. Курс политической экономии. Составил Э. Вреден, на основании лекций, читанных в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1873–1874 г. СПб., 1874.

Георгиевский П. И. О реформе университетов в России. СПб., 1909.

Георгиевский П. И. Политическая экономия. Изд. 5-е. М., 2016.

Горлов И. Я. Начала политической экономии: в 2 т. Т. 1. СПб., 1859.

Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.

Д. Б. Балугьянский Михаил Андреевич // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: в 6 т. Т. II, вып. 23. СПб., 1890. С. 80–83.

Давидович И. Плисов Моисей Гордеевич // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 122–124.

Запрос. О положении дел в высшей школе (внесенный правой фракцией Государственной Думы) // Вестник студенческой жизни. 1910, сент. Вып. I (IV). С. 20–22.

Зябловский Е. Ф. Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования сего в Санкт-Петербургский университет, с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части народного просвещения. СПб., 1833.

Каратаев Н. К. Эволюция И. Я. Горлова от крепостничества к дворянскому либерализму // История русской экономической мысли: в 3 т. / под ред. А. И. Пашкова. Т. I, ч. 2. М., 1958. С. 577–580.

Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Корсакова В. Рунич Дмитрий Павлович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 17. Пг., 1918. С. 592–601.

Л. Л. Вреден Эдмунд Романович // Новый энциклопедический словарь: в 29 т. / [под общ. ред. К. К. Арсеньева]. Т. 11. СПб., 1913. С. 827–828.

Майков П. Порошин Виктор Степанович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 577–580.

Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2, ч. 2. М., 1994.

О дозволении студентам, кончившим курс учения в бывшем Главном Педагогическом институте, представляться к испытанию прямо на степень магистра // Журнал Департамента народного просвещения. 1822. Ч. 4, янв. С. 26–33.

Об открытии Санкт-Петербургского университета // Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. 1, апр. С. 428–443.

Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы // Высшая школа. 1938. № 6–7.

Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844.

Письмо Президиума Облпрофсовета и Директора ЛГУ о массовой технической пропаганде // Ленинградский государственный университет. Бюллетень. 1931. № 7. С. 1–4.

Резолюция Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР // Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1938. № 6–7.

Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. I / сост. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев; под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919.

Слова и речи, читанные ректором и профессорами Санкт-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании Двенадцати коллегий 12 марта 1838 г. СПб., 1838. С. 1–30.

Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992.

Справочный энциклопедический словарь: в 12 т / под ред. А. Старчевского. Т. 2. СПб., 1849.

Струве П. Экономическая система М. И. Туган-Барановского // Русская мысль. 1910. № 1.

Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. С. 112–134.

Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельность М. А. Балугьянского (Балудянского) в России. Ужгород, 1931.

Форберт Л. Учение Бэм-Баверка о происхождении дохода на капитал // Вопросы обществоведения: в 3 вып. Вып. I. СПб., 1908. С. 213–242.

Юдовин Э. О работе кафедры политической экономии // Ленинградский университет. 1939. 31 дек. № 48. С. 3.

М. В. Марков

**Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете (1819–1917):
организация, содержание и политика правительства**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Марков М. В.* Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете (1819–1917): организация, содержание и политика правительства // *Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ* / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 32–52.

В статье представлено развитие преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете и воздействие на него нормативно-правовых актов Российской империи. Реконструируется хронология и содержание преподавания политической экономии в рамках организационных структур, задаваемых общими уставами Императорских российских университетов и другими документами.

Ключевые слова: Императорский Санкт-Петербургский университет, кафедра политической экономии, Педагогический институт, Главный педагогический институт, университетский устав в Российской империи.

Введение. Цель нашей работы состоит в том, чтобы проследить основные этапы преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете в XIX – начале XX в., рассмотрев регулирующие его деятельность нормативные акты. Разумеется, прежде всего характер преподавания определялся личностями, занимавшими профессорскую кафедру политической экономии (табл. 1). Вместе с тем в данный период преподавание вообще, а в политической экономии особенно было тесно связано с государственной политикой в области науки и образования. Правительство ставило противоречивые задачи: с одной стороны, оно стремилось обеспечить условия для развития в России науки мирового уровня, с другой – препятствовало распространению тех идей, которые представлялись разрушительными для государства. Как показала история, выполнена была только первая задача, а торжество революционных идей привело к крушению не только империи, но и Императорского университета.

Предыстория политической экономии в Санкт-Петербурге (1803–1819). Преподавание политической экономии как самостоятельной науки начинается в России в царствование Александра I (1801–1825), когда эта наука приобретает особую популярность и в правительственных кругах, и в светском обществе. Первое упоминание политической экономии в документах, связанных с образовательной реформой александровского царствования, появляется в «Предварительных правилах народного просвещения» (24 января 1803 г.), заложивших основу этой реформы. «Предварительные правила» предполагают, что «основания политической экономии» должны преподаваться уже в гимназиях³.

---

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. I. Т. 27, № 20597, гл. II. 35.

Таблица 1. Список ординарных профессоров кафедры политической экономии (с 1835 г. – кафедры политической экономии и статистики) Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917)

Фамилия, имя и отчество	Годы жизни	Годы службы в университете	
		Всего	Штатным профессором
Балугьянский Михаил Андреевич	1769–1847	1819–1824	1819–1821
Бутырский Никита Иванович	1783–1848	1819–1835	1821–1835
Порошин Виктор Степанович	1811–1868	1835–1847	1835–1847
Горлов Иван Яковлевич	1814–1890	1847–1873	1847–1873
Янсон Юлий Эдуардович	1835–1893	1865–1893	1873–1890
Вреден Эдмунд Романович	1835–1891	1866–1891	1880–1891
Георгиевский Павел Иванович	1857–1938	1882–1919	1890–1912
Кауфман Илларион Игнатьевич	1848–1915	1889–1915	1901–1915
Чистяков Иван Иванович	1873 — ?	1912–1917	1912–1917

Затем, 25 июля 1803 г., был утвержден новый устав Санкт-Петербургской академии наук. В уставе в числе наук, «коих усовершенствованием Академия должна заниматься», впервые упоминается «экономия политическая» и вводится должность ординарного академика в области политической экономии⁴. Первым академиком по разряду политической экономии был избран в 1804 г. Андрей Карлович Шторх (Heinrich Friedrich von Storch, 1766–1835), который сыграл впоследствии важную роль в развитии экономического образования в России. Уроженец Риги, Шторх получил образование в Йенском и Гейдельбергском университетах. Рано привлек к себе внимание работами в области статистики. В 1788 г., заручившись покровительством русского вельможи Николая Петровича Румянцева (1754–1826), вернулся в Российскую империю, где началась его академическая, чиновническая и придворная карьера. В 1813 г. Шторху поручают чтение курса политической экономии младшим братьям императора – великим князьям Николаю и Михаилу. На основе прочитанных лекций в 1815 г. в Санкт-Петербурге Шторх издает на французском языке курс политэкономии под названием «Cours d'économie politique ou exposition des principes qui dé terminent la prospérité des nations». В 1819 г. Карл Рау публикует сокращенный немецкий перевод этой книги со своими комментариями. Также в 1823 г. книга Шторха была перепечатана в Париже Жаном Батистом Сэем, который дополнил ее примечаниями и критикой. Благодаря изданию своего курса Шторх стал наиболее известным русским экономистом XIX века в европейской науке. Хотя книга Шторха оказала существенное влияние на развитие русской экономической науки, ее частичный перевод на русский язык, как исторического памятника, вышел только в 1881 г., а полный уже в наше время – в 2008 г. – под названием «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода». Причина этого заключается в том, что в своих лекциях Шторх, обращаясь к великим князьям, откровенно рассказывает об экономических проблемах Российской империи и критикует крепостное право, что сделало невозможным, по цензурным соображениям, публикацию книги Шторха в царствование (1825–1855) его ученика, императора Николая I. Несмотря на отсут-

⁴ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 27, № 20863.

ствие русского перевода, в первой половине XIX в. курс Шторха часто использовался в качестве основного учебника политической экономии в русских университетах.

Еще одной составляющей реформы Александра I стало создание университетской системы – уже существовавшие высшие учебные заведения были преобразованы, а также были учреждены новые. 18 мая 1803 г. был принят устав Виленского университета, 12 сентября 1803 г. – Дерптского, а 5 ноября 1804 г. – уставы русских университетов: Московского и учреждаемых Харьковского и Казанского. В Москве, Харькове и Казани на отделении нравственных и политических наук создавались кафедры дипломатики и политической экономии (см.: [Жарова, 2011]).

Одновременно начался процесс образования (воссоздания) университета в Санкт-Петербурге, который проходил в несколько этапов. Прежде всего, в правительственных кругах не существовало единого мнения о необходимости университета в столице, ведь европейский опыт показывал, что университеты лучше развиваются в провинции (см.: [Жуковская, 2013]). Кроме того, хотя основанный в 1724 г. Академический университет фактически прекратил существование в конце XVIII в., Академия продолжала деятельность в сфере высшего образования. Также в Санкт-Петербурге существовала учрежденная в 1783 г. учительская семинария, преобразованная в 1803 г. в гимназию. Очевидно, что учительская гимназия изначально создавалась как учреждение высшего, а не среднего образования. Об этом свидетельствует приглашение для преподавания в ней ряда иностранных профессоров, в числе которых был М. А. Балугьянский (1769–1847), ставший основоположником преподавания политической экономии в Санкт-Петербурге и профессором кафедры политической экономии до 1821 г. (о Балугьянском см. статьи Л. Д. Широкограда и А. Н. Дубянского в настоящем издании).

Следующим этапом стало учреждение в 1804 г. на основе учительской гимназии Педагогического института. Поскольку институт должен был готовить учителей для губернских гимназий, «Правила для Педагогического института» предполагали создание ряда профессорских кафедр для «преподавания в оном положенные в губернских гимназиях науки с возможною обширностью»⁵. В числе должностей действительных профессоров была и должность профессора экономии политической и коммерческих наук. Таким образом, кафедра политической экономии в Санкт-Петербурге возникла раньше университета, днем ее рождения можно считать 16 апреля (28 апреля по новому стилю) 1804 г., когда были утверждены «Правила». Более того, поскольку «Правила для Педагогического института» были приняты раньше, чем предполагавшие создание кафедр политической экономии уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов, кафедра политической экономии Санкт-Петербургского университета может по праву считаться первой кафедрой политической экономии в Российской империи.

В § 66 «Правил» подробно перечисляются обязанности профессора политической экономии. Прочитываем его полностью, поскольку можно с большой вероятностью предположить, что этот параграф был подготовлен при участии самого Балугьянского (его не могли составить чиновники Министерства просвещения), а значит, позволяет нам познакомиться с системой его преподавания. «Профессор политической экономии, следуя в своих преподаваниях порядку Зонненфельса, в 1-й части будет читать о родах гражданских обществ, покажет начала политических, гражданских и уголовных законов и объяснит о гражданском благоустройстве. Во 2-й части о существе народного богатства и источнике оного по правилам Шмита, Рюйша, Герреншванда и Канара, разбирая и других авторов, известных по сей материи; потом предложит способы к распространению земледелия, фабрик, коммерции и мореплавания;

будет говорить о обращении денег, доверии в торговле, о банкирских векселях и равновесии коммерции. В 3-й – о государственных доходах и способах, как привести оные в лучшее

---

⁵ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 28, № 21265.

состояние, о обыкновенных доходах и как можно увеличить оные, и объяснит о управлении помещичьих и государственных волостей. Потом, дошедши до податей, покажет, какие могут быть сборы с недвижимых имений, с домов, с приема и раздачи сумм в процент; наконец о доверии самого гражданства, банковых и гербовых листах и других источниках государственной казны»⁶.

Прокомментируем имена авторов, на труды которых, по мысли составителя правил, должен опираться профессор политической экономии. Прежде всего, это Йозеф Зонненфельс (1732–1817) – австрийский ученый, литератор и государственный деятель, профессор Венского университета и учитель Балугьянского, в области экономической науки – представитель камерализма. Его основная работа «Основы политики, торговли и финансовой науки» (*Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft*) впервые вышла в 1765–1767 гг., выдержала восемь изданий и, по свидетельству Й. Шумпетера, оставалась официальным учебником в Австро-Венгрии вплоть до 1848 г. [Шумпетер, 2001, с. 218]. В 1787 г. эта книга вышла в русском переводе под названием «Начальные основания полиции или благочиния». К сожалению, нам не удалось установить, кто имеется в виду под фамилиями Рюйш и Шмит (было бы логично предположить, что «Шмит» – это Адам Смит в немецкой транскрипции). Швейцарский физиократ Жан Херреншванд (1728–1812) был достаточно популярен в свое время, а его учебник «*De l' économie politique moderne*» (1786 г.) был опубликован в 1807 г. на русском языке под названием «О новейшем государственном хозяйстве». Наконец, французский экономист и математик Николя-Франсуа Канар (1754–1833) наиболее известен вкладом в теорию налогообложения, его «*Principes d' économie politique*» вышли в 1801 г. Итак, мы видим, что преподавание политической экономии предполагалось на самом высоком уровне.

В 1811 г. политическую экономию стал также преподавать один из первых выпускников Педагогического института М. Г. Плисов (1783–1853), сначала в должности преподавателя, затем адъюнкта (1812–1817 гг.) и экстраординарного профессора (1817–1823 гг.). После увольнения из университета Плисов поступил на государственную службу, где добился определенного успеха, был произведен в чин тайного советника и стал сенатором (1852 г.). К сожалению, Плисов не оставил печатных работ по политической экономии, поэтому судить о его вкладе в науку мы не можем.

23 декабря 1816 г. произошла еще одна перемена в жизни Педагогического института – был принят нормативно-правовой акт, получивший название «Новое образование Главного педагогического института», согласно которому Педагогический институт был переименован в Главный педагогический институт и его задачей стала подготовка не только учителей, но и магистров, адъюнктов и профессоров для всех училищ империи⁷. Курс высших наук в этом учебном заведении делился на три отделения (впоследствии три факультета): 1) наук философических и юридических; 2) наук физических и математических; 3) наук исторических и словесных, при этом кафедра политической экономии относилась к первому отделению. В документе «Новое образование Главного педагогического института» появляется также кафедра статистики, которая относится к третьему отделению.

Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете в первый период его существования (1819–1847). После ряда описанных выше экспериментов в правительстве возобладало мнение о необходимости учреждения в столице университета и 8 (20) февраля 1818 г. был принят документ «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета», переименовывающий Главный педагогический институт в универ-

---

⁶ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 28, № 21265.

⁷ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 33, № 26573.

ситет⁸. Этот документ явился вехой, которая определила начало работы кафедры в рамках университета, но с точки зрения преподавания ничего не изменил, сохранив действие устава Главного педагогического института (с 1824 г. на управление Санкт-Петербургским университетом был распространен устав Московского университета).

Следует заметить, что формальный список кафедр, предполагавшийся уставами, по которым работал университет (Главного педагогического института и Московского университета 1804 г.) описывал желаемое, а вовсе не реальное положение дел. Так, Балугьянский читал не только политическую экономию, но и энциклопедию политических и юридических наук, а Плисов – также естественное и римское право (см.: [Григорьев, 1870, с. 14, 32]). Впрочем, очень скоро Балугьянскому и Плисову пришлось оставить преподавание – новый статус не стал защитой против разгрома университета в условиях усиления клерикальных и полицейских тенденций в государственном управлении.

После разгрома университета в 1821 г. в преподавании политической экономии начался странный период – ею занялись филологи. Профессором политической экономии стал Н. И. Бутырский (1783–1848), занимавший также кафедру российской словесности (возможно, это не так удивительно, если вспомнить, что и Адам Смит читал лекции по истории английской литературы). О Бутырском мало что можно сказать как об экономисте, известно, что в 1829 г. на торжественном акте университета он прочел лекцию «Об учении Адама Смита и нравственном направлении, какое надлежало бы дать политической экономии» [Григорьев, 1870, с. 61]. Бутырский пробыл профессором до 1835 г., и в разные годы объявляемый им курс носил название: «Политическая экономия», «Народное хозяйство» или «Государственное хозяйство», «Финансы, по теории Адама Смита, с прибавлениями из Сэя».

Еще одним историком литературы, который преподавал политическую экономию в качестве адъюнкта, был в 1830–1832 гг. А. В. Никитенко (1804–1877), перешедший затем на кафедру словесности и ставший в 1849 г. ее ординарным профессором. Никитенко оставил одну печатную работу, посвященную политической экономии, которая написана велеречивым стилем, но слаба с теоретической точки зрения. Приведем, для примера, характеристику Адама Смита из этой статьи: «Сей знаменитый муж, подобно немногим в других родах познаний, которых природа, кажется нарочно производит в ту минуту, когда брожение новых полезных идей достигнет, так сказать, последнего своего процесса и когда нужно дать им определенность, образ и образу сему жизнь, – сей знаменитый муж, говорю, первый снискал политической экономии право на сан науки и почетное место в святилище истины» [Никитенко, 1827, с. 239].

Перемены в преподавание политической экономии внес «Общий устав Императорских российских университетов», принятый 26 июля 1835 г.⁹ Прежде всего устав изменил организационное подчинение кафедры: университеты должны были делиться на три факультета – философский, юридический и медицинский (последний в Санкт-Петербурге отсутствовал). Философский факультет состоял из двух отделений – историко-филологических и естественных наук. Кафедра политической экономии относилась к первому отделению и при этом объединялась с кафедрой статистики. Объединение политической экономии и статистики сохранилось до конца императорского периода, впоследствии ее занимали, как правило, сразу два профессора, но первоначально положение профессора кафедры усложнилось – он должен был читать сразу две науки. Новая организация факультетов отделила политическую экономию от юридических наук, притом что на юридическом факультете было образовано две кафедры с близкой к экономической науке предметной областью – законов благоустройства и благочиния, а также законов о государственных повинностях и финансах. Впоследствии по инициативе Совета университета предметы были перегруппированы, и начиная с 1843/44 учебного

---

⁸ ПСЗРИ, Собр. I. Т. 36, № 27675.

⁹ ПСЗРИ, Собр. II. Т. 10, № 8337.

года был открыт особый, камеральный разряд юридического факультета, объединявший юридические, экономические и прикладные технические науки. Камеральный (с 1860 г. – административный) разряд просуществовал до 1882 г.

Отметим еще одну новацию устава 1835 года – профессор, прослуживший 25 лет, удостоивался звания заслуженного, после чего его кафедра признавалась вакантной, заслуженный профессор снова должен был пройти процедуру избрания, а при увольнении приобретал право на пенсию в размере полного оклада своего жалования. Тем самым создавался мотивационный механизм обновления преподавательского состава. Министр народного просвещения С. С. Уваров (1786–1855) напрямую ставил задачу удаления «профессоров без заслуг, но без нарекания, опоздалых на их поприще, малоспособных к преподаванию» (цит. по: [Костина, 2013, с. 234]).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.